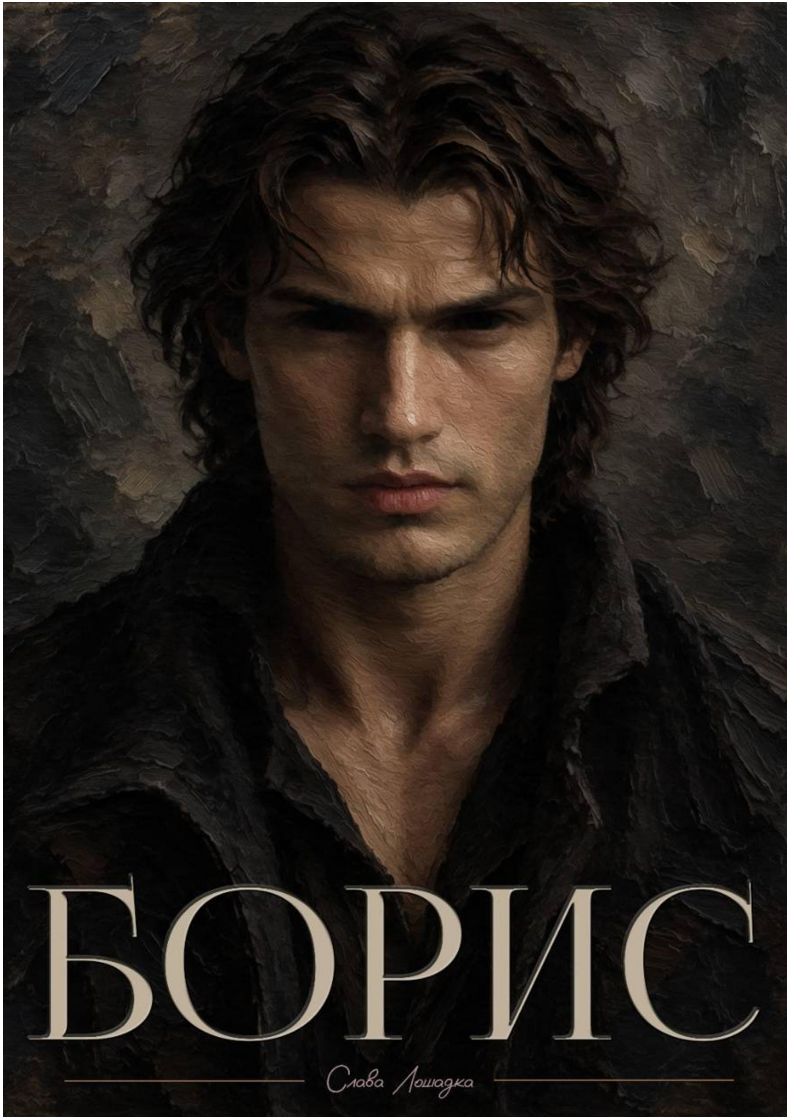
БОРИС
Слава Лошадка

# Слава Лошадка
# Борис

*https://litres.ru/75007614*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Одним жарким августовским днём, трое учёных — очень разные внешне и внутренне, но объединённые жаждой открытий, обнаруживают, что благодаря случайности, их псевдонаучный, тайный эксперимент удался. Теперь, на свет появилась новая жизнь, но появление её, несёт с собой лишь усугубляющуюся жару, смятение людских разумов и смерть.

Прекратить воцарившийся хаос экспериментаторы не в силах — разрушительная сила их творения опасна прежде всего им самим. И действует, не угнетая, не принуждая, а покупая и подкупая души...

# Слава Лошадка
# Борис

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

На опушке, во дворе деревянного особняка затерявшегося в гибких ветвях берез колыхаемых августовским южным ветром, на плетеных ротанговых креслах попивает обеденный чай троица. Разговор неспешен, даже несмотря на злободневность темы, и лишь по нетерпеливым жестам и взглядам, бросаемым в сторону извилистой тропки, заметно — они кого-то ждут. Троица эта, представляет собой собрание мировых светил на отдыхе.

Марк — хозяин дачи, коему она досталась в наследство от покойного отца. Он в пижаме, не снятой по рассеянности еще с ночи и потирающий то и дело седой череп закусанный комарами. Полнотелый, гладкий и покатый, с глазами напрочь лишенными интеллекта. Блаженный полоумный, но это лишь на первый взгляд. На деле, умнейший человек в своей области конечно, а область эта, на минуту: квантовая физика, механика. Марк залез в науку с головой, и не отвлекаясь больше ни на какие другие дела, так там и остался. За что втихаря его звали аутистом, на что он опять же не обращал никакого внимания. Вот такой он — чокнутый профес-

сор, живущий с мамой и не умеющий сам себя обслужить. Наука, и все — за ней ничего. Но есть только одно желание кроме работы. Внушил он себе, что желает прославиться, по невнятному завету отца, мечтающего о том же, или еще по какой причине: но что есть, то есть.

Второй — сорокапятилетний Андрей Хворостинский, не в пример погодку Марку, аккуратно выправленный, с постриженной черной бородкой, в «воротничке» и полосатом шерстяном жилете несмотря на жару, только потому, что так красивей и совсем по-английски. С оттопыренным от чашки мизинцем и ироничной улыбкой. Впрочем, самонадеянной до безобразия, да и весь он самонадеянный, отглаженный и начищенный как и его идеально белые зубы, выступающие вперед немного, но придающие озорства и моложавости. Он единственный из компании женат — на своей ассистентке, такой же отутюженной и лакированной Белле, двадцатью годами моложе. Строгой и высокомерно и кажущейся старше, поскольку никому еще не прибавлял юности престарелый муж, а наоборот. Да и холод ее серых глаз, пучок из льняных волос и сжатые в полоску губы, будто кричат, что женщина она неприступная, правильная и успешная — недаром жена завкафедрой института естественных наук.

Третий присутствующий — никогда не довольный собой, своей внешностью и состоянием, но упорно не желающий трудиться во имя исправления недостатков, зато гораздо моложе остальных. Несуразный, с тонкими пегими волосами

до плеч, пегим, сосредоточенным лицом и нервными движениями. Беспристанно поправляющий очки, субтильный, мелкий, лопочащий и заискивающе смеющийся невпопад — Килька. Так прозвал его Хворостинский, после заявления, что на зарплату научного сотрудника, из мясного меню можно полакомиться лишь килькой, да и то не чаще раза в неделю. Этим высказыванием, парень заслужил себе прибавку к жалованию в виде особой стипендии — для особо одаренных и особо перспективных умов, а в придачу к стипендии — прозвище. И так крепко оно зацепилось, что через пару дней, мир напрочь забыл его настоящее имя. Да и нам, до поры, его знать не обязательно.

— Где же Белла? Сколько можно ждать? — Нетерпеливо восклицает Килька, закатывая вверх близорукие глаза.

За его взглядом тут же устремляются остальные. Хрупкие березовые листочки цвета свежего лайма, а через них — голубое небо и лучи солнца в зените. Беллы там нет. Андрей улыбается лучезарно, на вид спокоен, но в зрачках — огонь.

Марк, вдруг вздрагивает, бледнеет, оглядывается, будто потеряв что-то, смотрит вопросительно на старый дом и бормочет:

— Не понимаю, как вообще такое возможно? Квантовая частица — отрицательная частица, прошедшая через имитатор, после соприкосновения со случайно пролитым кофе — ожила! Надо же, какая случайность…

— Если бы в этом закрытом от цивилизации месте был ин-

тернет, Белла незамедлительно выслала фото и видео, а так, ждём, — бубнит Андрей. — Вот и отпуск насмарку! Единение с природой, старая отцовская дача… Здесь и дорог-то нет, только по железке, по старинке, на поезде! Хорошо хоть стационарная связь сохранилась.

— А как бы мы отдохнули? Нас достали бы и на Марсе!

— А здесь, не Марс? Так же далеко и пустынно, — вмешивается в разговор Килька, – к тому же, нас достали и здесь!

— На этот раз, не без повода!

— Не без повода! — повторяют коллеги друг за другом, — не без повода!

Вперивают нетерпеливые взгляды в тропинку, на разухабистую ель, что лапами закрывает обзор.

— Здесь рыбалка хорошая! - последний довод Марка.

— Где мы ни разу не были!

— Кто мешал?

— Вы же и мешали коллега, спите до обеда, ленитесь собрать снасти и думаете на отдыхе только о работе!

— Тебе ли говорить Килька, тебе ли. У тебя все разговоры о схождении сфер.

— Вот, вот, а ты — «рыбалка»! А не я ли вам говорил, что из-за схождения возможно перестроение частицы, запуск, говорил? Говорил, что жди теперь чуда? Ведь и само схождение не иначе как чудо!

— Чудо! Может где-то ошибка? Перепроверить надо семь раз! Семь раз отмерь — один отрежь!

Вмешивается Хворостинский:

— Наш случай, противоречит этой поговорке. Здесь как раз цепочка случайностей. Случайный запуск сфер, случайное дальнейшее их схождение и частица, с отрицательным зарядом попавшая случайно в кофе разини Беллы. Не иначе, вмешательство высших сил!

Коллеги кивают, в этот раз все согласны. Кто-то сверху, невидимым перстом руководит экспериментом, сокрытым, к слову, от любопытных. Это их тайна, на троих, не считая Беллы, следящей чтобы во время их отпуска ничего не нарушилось в заданном цикле эксперимента. Не уследила — нарушилось. Но может оно и к лучшему — это как посмотреть.

И снова шелест листьев, скользящий и ласкающий их ветерок, стрекот кузнечиков в зарослях некошеной травы. Запах сочного прелого леса, старого дерева и затхлой воды от озера за перелеском. Безмятежность и покой дикого места, со своими хлопотами.

Птицы готовятся улетать в теплые края, насекомые жужжат и гудят в попытке урвать еще немного тепла и жизни и среди этого великолепие — трое друзей разных по виду и положению, но накрепко объединенных одной тайной, целью и идеей. Наукой, жаждой открытий, желанием понять цель существования мира — копнуть и поворочать привычные научные гипотезы, заглянуть под занавес тайны мироздания, проследить всю цепочку, от большого взрыва и до создания планеты Земля.

Теперь, стадия зарождения жизни — то, к чему стремились они долгими попытками поменять привычное и запустить процесс, хотя бы и двигаясь от обратного. От отрицания. Нет, никто из них не планировал стать Богом, Творцом — просто извечное человеческое любопытство, плюс гений, и вуаля.

Через год после запуска имитатора вселенной — сдвиг. И снова случайность, присутствующая наверняка у всех первооткрывателей и экспериментаторов. Словно по щелчку. Вчера было не время и не место, а сегодня — самое оно. Вчера было рано и незрело — сейчас же, момент икс.

Озорной солнечный луч, застывший на одной из сфер, использовавший ее как линзу для накала всей цепи, схождение цепи в одно кипящее ядро и в этом ядре формирование оптимальных условий к зарождению жизни. Дальше — выход частицы, кофе и недоуменный крик Беллы в телефонную трубку: «Одноклеточное! Частица сформировалась в одноклеточное!».

И ожидание. Тягостное, нетерпеливое, но полное восторгов и гордости: «Получилось! Вышло, ёшкин-ты…». Но, как степенные ученые мужи, они не могут себе позволить лишних эмоций, а потому: «Пусть придет Белла и докажет еще, стоит ли прерывать наш отпуск…».

Томительно ожидание, хочется сорваться и нестись, но, нет. Друг перед другом не положено, перед всем научным сообществом не положено, да и неловко как-то.

Разговор стих, каждый думает о своем и солнце из зенита переходит в сторону горизонта, кузнечики остервенело верещат на закат и чай давно уже выпит — но нет сил двигаться. Сковало члены в отупелом ожидании и сердца уже не колышутся в радостном предвкушении, а только досада за неторопливость Беллы, злые взгляды, бросаемые на навязчивую ель закрывающую обзор и мысленное обещание срубить ее при первой возможности.

Наконец в тот момент, когда Марку приспичило в уборную и он встал, распространяя запах пота от пижамы. Когда очки Кильки совсем съехали и он откинул их на лоб. А Андрей провел по мокрым волосам, создав из прилизанной прически хаос — за ненавистной елью зашуршало и показалась Белла.

Всё в ней легко: легкие босоножки, легкие шорты, легкость в походке и движениях, будто и нет жары — она невесома и свежа. Легкости нет лишь в глазах, холодных и надменных.

Ни на минуту не забывает, кто она и чья, но старается забыть — откуда. Она комплексует, в глубине души, старается забыть юность и влюбленность аспирантки в декана. Хождение по мукам, светлые кудри по плечам, мини и алую помаду, немое обожание, трепетное слияние и снисходительное: «Выходи за меня! Как жена, ты подходишь мне. Да и пора уж остепениться…». Визги, писки, кольцо, прыжки до потолка её подруг, рестораны, магазины — преображение. А

дальше: зависть, отстранение, высокомерие и замкнутость в круге интересов мужа, да и не интересно ей ничего больше.

— Ну, что, заждались? — Белле приятно внимание и она не спешит. Усаживается в освободившееся кресло, достает из сумки воду, неторопливо пьет, из-под ресниц наблюдая за нетерпением друзей.

— Не томи! — дрожащий голос мужа, как сигнал к действию. Отставлена в сторону вода, извлечен планшет, фотографии и бумаги.

— Вот! — Белла находит в планшете нужное видео. — Вот оно! Сам процесс размылся почему-то, едва видно, но если приблизить… Итог есть! — поворачивает экран к друзьям.

Те жадно вглядываются в изображение, кто-то выхватывает из рук устройство, кто-то тянется к фото и на пару мгновений замирает жизнь вокруг, стихают звуки и время словно останавливается, а Марк, всматривается в тропинку и в старую ель, будто прислушивается, будто силясь что-то вспомнить.

Переглядываются ученые, в глазах торжество и восторг, и недоумение, и тихий голос Андрея:

— Поздравляю, коллеги! Свершилось! — а дальше, сумбур, перекрикивания, обнимания и рукопожатия, сверка с документами, споры и отрицания фактов.

— Я же говорил, случится чудо!

— Ну, тебя, Килька, с твоими чудесами! Теперь не до чу-

дес, условия надо создать оптимальные — не дать клетке умереть. А лучше, заставить делиться и размножаться и тогда…

Марк чешет закусанную макушку, и не может скрыть радости:

— Можно открыться ученому сообществу! Вы представляете, какой будет фурор?

Забыта тропинка, забыта ель, забыты муки ожидания. Малиновый закат кидает прощальные жаркие лучи на оживленную группу людей. Лес неподвижен и вечен, и полон птичьих неугомонных трелей, да старый дом глядит слепыми окнами, нахмуренными ставнями. И бурая черепичная крыша, словно в мрачном предчувствии изборожденный морщинами лоб. Весь этот первозданный уголок планеты наблюдает сейчас, как вершится история, и не знает к чему приведет беспечность ученых мужей и их кажущееся на первый взгляд безобидным открытие. Разве что старый дом знает, смутно он догадывается, что на этот раз, вряд ли обойдется.

— Когда поезд? Успеем? Бегом! Скорее!

— Белла, помоги собраться!

В утомленных глазах женщины отблески заката, а лицо мягко и безмятежно освещаемое теплым светом повернуто к мужу. Но он не замечает ее красоты и молодости, не придает значения тому, как она сейчас хороша — привык, да и происходящее в лаборатории всегда важнее.

— Конечно, Андрей, сейчас организую…

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В полутемной, душной лаборатории, знакомая нам троица друзей. Марк, небритый, в некогда белом, а теперь повсеместно заляпанном медицинском халате, без пуговицы на выпирающем животе, отупело и не мигая смотрит в микроскоп, встроенный в стекло герметичного куба. По обе стороны от него, его соратники. Белоснежно-выглаженный аристократ Хворостинский и Килька — в одеянии мешком висящем на тощей фигуре.

— Дай посмотреть!

— Что там? Условия подходящие?

— Условия оптимальные. — Пространно мямлит Марк. — Но не пойму, это уже не то, что мы видели. Одноклеточная водоросль вроде… Очень древняя. Глянь, Килька, я прав?

Превозмогая нетерпение, к микроскопу встает Килька:

— Да, древнейшая одноклеточная водоросль, по всем законам жанра эволюционировавшая с полтора миллиарда лет назад. — Взгляд его отрывается, рот кривится в подобие улыбки, а очки падают на кончик носа, — друзья, мы стали свидетелями зарождения жизни!

Его место тут же занимает Андрей:

— Подожди, не радуйся раньше времени, не вижу я у этой клетки желания размножаться, будто неживая она. Так и помрет, одинокой и неудовлетворенной! — он смеется сво-

ей шутке, отрывается от линзы и сведя черные брови к носу, смотрит через стекло на колбу в которой покоится водоросль.

Марк жмет покатыми плечами, скребет череп, также вперивает взгляд в куб:

— Полтора миллиарда, говоришь? Кислорода на планете в то время было в разы меньше, зато сероводорода, углекислого газа и метана, хоть отбавляй.

Друзья переглядываются, а Килька хлопает себя по лбу:

— Дурья моя башка! Конечно! Клетка в неподходящих условиях впала в анабиоз! — он мечется по помещению, хватая на ходу с лязгающих металлом полок банки с реактивами, — вот! Главное, соблюсти пропорции!

— Соблюдай! — с усмешкой говорит Андрей, — мы с Марком выпьем кофе, а то пять утра, знаешь ли… — и прикрывая деланный зевок, белой рукой увлекая замешкавшегося Марка, он следует в дальний уголок лаборатории.

К импровизированному буфету сотворенному из железного стеллажа, к столу, также железному, накрытому с легкой руки Беллы розовой скатертью.

Включает электрический чайник, насыпает кофе по чашкам:

— Что скажете, профессор? —дежурный вопрос, но для Марка это повод еще глубже уйти в себя.

Андрей резюмирует сам:

— Судя по выводам ученых о состоянии планеты на ста-

дии зарождения жизни, так и было. Ни тебе атмосферы, ни тебе почвы — только вода, вулканы и палящее солнце! — он треплет и лохматит волосы, снова складывает и приглаживает. — Разогрев и вода. Кофе, вот тебе и вода.

Крик от стеклянного куба заставляет вздрогнуть:

— Она пошевелилась! Водоросль пошевелилась!

Чайник кипит выбрасывая пар из носика и крупно дрожа, в окна устремляются первые рассеянные лучи и освещают бледные от бессонной ночи лица присутствующих. Освещают обстановку лаборатории с вечным её хаосом: инструментами, приспособлениями, банками, пробирками, часто не подписанными и отнимающими время на разгадывание тайны их содержимого.

Марк отрывается от созерцания подопытной клетки и сдавленно шепчет, но шепот этот словно грохот:

— Вроде, если я не ошибаюсь, это и не водоросль вовсе — это бактерия! Поправь меня, Килька, если я неправ.

Рокировка. У микроскопа молодой экспериментатор, голос его срывается, а очки, не удержавшись на носу, со звоном падают на пол. Вдребезги.

— Не понял, этого не может быть!

— Так я прав?

— Безусловно! — ноль внимания на разбившиеся очки. — Бактерия. — Потер глаза, растерянно глянул на коллег, — теперь и мне кофе не помешает!

Возвращаются к столу в полном составе.

Килька предлагает:

— Может ей кислородика подбавить? Ведь задохнуться может. Живая…

— Подбавь.

Со вздохом и чашкой в руках, Килька плетется к кубу, шуршит, скрипит, слышится хруст раздавленных стекол, все еще валяющихся на полу очков, и возглас:

— Где же Белла? Мне нужны новые очки, без них я совершенно слеп!

— Я здесь! — благоухая свежестью и мылом, подтянутая и бодрая, несмотря на трудную ночь, она заходит.

Тут уже ночь уступает место утру и оживает пространство. Выужены из сумки очки для Кильки, коих у Беллы не менее десятка, достается из шкафчика щетка на палке и совок — минута и пол чист. Открываются окна, за ними рощица и автострада, из рощи разноголосье птиц, а с автострады шум, сигналы и рычание длинномеров. Влажный рассветный воздух проникает в помещение и присутствующие оживляются, горячатся, принимаются обсуждать. Под воробьиное чириканье, под шелест шин, под вполне земные звуки и запахи, не так все и туманно как кажется на первый взгляд.

— Может мы поначалу ошиблись? Может там и была бактерия?

— Я — не я, если там была бактерия!

— А ты, и не ты, ты Килька!

— Я, может, и не я, но не слепой!

— Ага! А кто недавно говорил, что совершенно слеп?

От куба слышится возглас Беллы, оглушает он и шуточную перепалку, и светлое августовское утро, и птиц, и автостраду:

— Какой симпатичный червячок! Это дождевой? — Белла имеет отличное образование. Хоть и незаконченное по потребности мужа видеть ее ежесекундно возле себя, и пользоваться ее услугами, как помощницы, домработницы, ассистентки, так и жены и любовницы, но здесь она бессильна.

— Андрей, подойдите! — очень хочется ей притвориться глупышкой, дабы потешить самолюбие супруга, и дать ему первому ответить на вопрос.

Сбегаются все, но именно Хворостинский, по зову жены, встает к микроскопу:

— Н-да… жгутиковые. А, нет, кишечнополостные или вовсе плоские. Собственно, сейчас я наблюдаю эволюцию семимильными шагами. - И эта улыбка — самодовольная, и торчащие вперед белые зубы, и несмотря ни на что, аккуратный вид — раздражают его коллег, а еще больше тот факт, что не они у станка, а этот зазнайка.

Разочарованно и слепо Килька смотрит за стекло, а Марк протягивает, будто силясь вспомнить что-то:

— Возможно, стоит открыться? Собрать ученый совет? Как-никак, частица отрицательная… — его не слушают.

На минуту в лаборатории воцаряется тишина, лишь из распахнутого настежь окна вездесущий уличный гомон, да

слышно как причмокивает Андрей, пытаясь уследить за преображением подопытного объекта.

А через минуту тишины, микроскоп стал не нужен — объект видно невооруженным глазом. Особь вылезла из колбы, выросла до размера мелкого членистоногого, темного и полупрозрачного, с черными точками глаз.

— Ой! — восклицает Белла, – он смотрит, да как разумно!

Первым из ступора выходит Андрей, развернувшись к жене, он почти кричит:

— Белла! Кофе! Копировать съемку на флешкарту, мы идем сдаваться! А пока, кофе!

Белла бледнеет, молча и понуро следует к столу, набирает в чайник воды, ставит, давит на кнопку, затем глядит на мужа, а в глазах такой ужас, будто и не муж перед ней, и не коллеги его, а привидение и два вампира.

— Что? — голос Хворостинского как металл.

Белла опускает глаза, скользит взором по полу, и шепчет:

— Кто-нибудь включил камеру? — затем смелеет. — Я-то была дома, а кто-нибудь из вас, таких великих и ужасных, додумался? — взгляд ее мечется и устремляется к лампочке камеры, что чернеет, не думая загораться без помощи людей. Троица смотрит туда же.

Килька снова роняет очки, на этот раз видимо нарочно, хватает в кулаки волосы и стонет. Хворостинский мрачнеет. Марк, молча и с тупым равнодушием, подходит к кубу и констатирует:

— Коллеги, особь-то скончалась.

Коллеги следуют за ним. И правда, высохшее паучье тельце с отвалившейся лапкой, блекло смотрит на микроскоп. Что-то хрустит в звенящей тишине — это Килька наступает на валяющиеся на полу очки. Мыском шлепанца он отшвыривает их в сторону:

— Все пропало! Еще и видео нет!

Друзья сумрачно и жалко глядят на останки подопытного.

Хворостинский вздыхает, и срывающимся голосом предлагает:

— Пойдем, напьемся? Потом подумаем что делать, потом… — разворачивает собратьев по несчастью за плечи и будто пытаясь заглушить щемящее разочарование, привычно хохмит. — Пойдем, не будем долго горевать по усопшему, пусть покоится с миром.

Шаркая и на ходу снимая халаты, они бредут к двери. Возле куба, в одиночестве, остается лишь Белла — ее проигнорировали, не позвали, ведь она не часть их команды — она чужая. Злые слезы стоят в ее глазах и осознание проваленного эксперимента только раззадоривает ее поплакать.

Всегда, так было, и видимо будет — он делит горе не с ней. Ни разу, муж не сказал ей о любви, а лишь о потребности. Она привыкла ассоциировать фразу: «Что бы я без тебя делал?» — с фразой, «Я не могу жить без тебя!». А, «Почему тебя не было так долго?» — с, «Я скучал!». То, что в ее отсутствие рядом, он названивает каждую минуту — она

понимает, теша себя, как необходимость услышать ее голос. А то, что дергает по пустякам — как крайнюю зависимость от ее мнения. Вот, только, никогда в их семье не говорят о любви или страсти и о детях тоже не говорят.

Поначалу было рановато, затем не время, а последний год и вовсе — на уме только эксперимент. Да и как это можно представить ей стать матерью, если главный ее ребенок — муж, требующий постоянного внимания и заботы? Ведь он так беспомощен! Взять хотя бы сегодняшний случай с камерой. Ну не дети? Один другого беспомощней!

Белла смахивает досадливую слезу и от беспокойства, стараясь предупредить последствия, поворачивает рычаг куба на автомат. «Пусть полежит пока. Наверняка, когда эти светила науки пропьются, захотят разобрать паучка на составляющие.» — с этими мыслями, она берет щетку, дабы собрать осколки очередных очков разбитых Килькой. «Этот щегол, очки не надел!» — тут уже из глаз потоком слезы, — «и зачем я их таскаю? Муж попросил!».

Августовское утро полноправно заглядывает в лабораторию, освещает мягкими лучами и куб, и плачущую женщину, что отбросив щетку, подошла к окну глотнуть воздуха. Подошла подумать, что она молода и красива, а жизнь за окном так многогранна. Подошла вспомнить добрачные годы юности и пылкости, что давно уж стерлись в быту и каждодневных хлопотах: а так бы хотелось! А чего бы хотелось женщине, у которой на поверхности, есть все?

Оголтелости, куража, бездумности и безумия, смеха, пикников, поцелуев украдкой и наивной влюблённости. Всего того, чего она лишилась, выйдя замуж.

Но она любит мужа! К тому же, там, на стоянке, припаркована ее новенькая беленькая машинка, на которой она сейчас поедет в шикарно обставленную квартиру, а на выходные — загородный дом, не менее шикарный, с садом, клумбами, и даже теплицей.

Белла смотрит на циферблат золотых часиков. Восемь утра. Расправляет плечи, отирает лицо, вспоминает хрущевку матери, штопаные колготки, и совсем с другим настроением:

— Все-таки, жизнь удалась!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В квартире Марка трезвонит стационарный телефон, а из спальни заливистый храп. Открывается соседняя дверь и шаркая по полу ветхими тапками к тяжеловесному аппарату подходит старушка — мать Марка. Голова ее трясется, а голос дребезжит как старая телега, но в движениях тихая интеллигентность, как и в квартире, что, несмотря на лакированную советскую мебель, обставлена со вкусом и чистотой спокойного увядания и достойного смирения с неизбежным — со старостью.

— Да! Ага! Разбужу и передам! — аккуратно и бережно кладется трубка, снова шарканье, теперь в сторону храпа, а

через минуту тихих переговоров, вместо храпа, крик:

— Бегу! Мама, где мои брюки? Ай-ай, носок прохудился! Да ладно, и так сойдет! Мама, не надо мне других носок! — чмоканье, дребезжащий голос старушки и вскрик. — Мама, я не буду завтракать, некогда мне. Папа тоже не завтракал когда торопился! Перестань меня целовать!

Шорох в прихожей, громкий хлопок входной двери и тишина. Старушка стоит еще некоторое время, жмёт в руках носовой платок, вытирает им слезящиеся глаза и также шаркая, идет в свою комнату, тем же платком на ходу протирая пыль.

Марк, бегом преодолевает ступени мчится навстречу похороненному ранее эксперимент. Ведь ночевавший в лаборатории Килька, удумавший пьяным глазом разглядеть трупик паучка поближе, разглядел в нем то, что заставило его протрезветь. В членистоногом обнаружилось яйцо. И вот, теперь, Марк бежит к супермаркету, около которого его ждет семья Хворостинских, на авто, дабы забрать, и привезти точно по адресу. Мало ли что!

Все знают, как Марк умеет находить себе проблемы в большом мире, то бишь, на улице, да и живы еще в памяти его последние приключения. Например, в метро, где он покатил в противоположную сторону и после - потерялся. Или в автобусе, где на него напал кондуктор с целью взять оплату проезда, да Марк забыл в этот день и кошелек, и мобильник, и потому за безбилетный проезд его тут же высадили, впо-

следствии чего он благополучно опять потерялся.

— Яйцо, хм, надо же! — бормочет Марк себе под нос, и будучи уже в машине, и поднимаясь по ступеням в лабораторию, все отстраненно, будто копаясь в воспоминаниях и не обращая внимания ни на Андрея, ни на Беллу. Ни на Кильку, что встречает в самом растрепанном виде и с дрожащими от перепоя и нетерпения руками.

Плачущим тоном Килька просит Беллу предоставить ему очки, а Белла со снисходительной улыбкой выполняет его просьбу.

— Куда бы вы без меня? — на Беллу ноль внимания.

Все внимание на малюсенькое, зеленоватое, абсолютно круглое яичко, что лежит на столе и странно дергается из стороны в сторону, будто маятник.

Килька шепчет:

— Как вы думаете, кто там?

Андрей еще тише:

— Из него сейчас что-то вылупляется? — оглядывает собравшихся растерянно и мутно, — что делать-то?

Оживляется Марк:

— Чего это мы? Ведь мы рискуем! В куб его, за стекло надо! — тяжело снует по помещению, ищет чего-то, сам не понимая чего, но поздно.

От яйца откалывается осколок скорлупы и из щели глядит миниатюрная змеиная головка — идеально черная, с крохотным раздвоенным язычком. Копошение, шелест, и упругое

тонкое тело выползает наружу.

Тройка ученых, словно под гипнозом, восторг в осанках за непрерваный таки эксперимент и страх, и боязнь пошевелиться. Не под гипнозом Белла, она заходит сзади, и прозрачной глубокой крышкой, сверху, накрывает подопытного.

Змейка не боится и не убегает, только смотрит с любопытством и будто с усмешкой вертикальными узкими зрачками и поднимает голову, будто в попытке встать.

Все выдыхают, гомон, возгласы, рукопожатия:

— Друзья! Коллеги! Я уж думал, все пропало!

— Это все дано свыше! Не случайно все!

— Провидение, черт возьми! И Белла умничка, если бы не она, если бы не подключила автоматический режим…

— Наука! Мы молодцы, ну и Белла конечно, не зря я на ней женился! Толковая…

Марк скребет седую голову что есть мочи. И в физиономии его обалделой, и радость, и опаска, но больше радости, а губы —полные, красные, сходятся гармошкой из-за невозможности скрыть улыбку, но как всегда резонно:

— Кто-нибудь снимал?

Мотают в отрицании головами друзья, но для них это уже не так важно, важно лишь, что «шоу» все еще продолжается.

— Один хрен начала нет, так что уж теперь?

— Что дальше?

— Теперь ее в изолятор надо!

Прошли к изолятору.

— Водички бы туда, змеи воду любят…

— Температурный режим, какой?

— Думаю температуру не высокую, с теплым лучом в угол, где можно погреться.

От стола слышится:

— Ой, а где? Убежала змейка!

В лицах ученых такой животный ужас и страдание, что Белле неловко за себя, и вся она такая бесполезная и растяпа, и виновата тоже она.

Бегут искать, бешено вращая глазами и лопоча:

— Главное, дверей не открывать! И окон! Найдется, никуда не денется!

Тихий шепот Беллы как ушат ледяной воды.

— Змейка маленькая, может в любую щель пролезть.

Останавливаются на мгновение и снова суета.

— Надо заткнуть все щели!

— Чем?

Снова Белла, комкает какую-то бумагу:

— Быстрее!

— Скорее! Марк! Чего стоишь? Помогай! — заглядывают в углы в поисках предполагаемых щелей, и вдруг звук. Будто взмах крыльев. Застывают, прислушиваются, лихорадочно вглядываются в пространство, пытаясь понять, откуда он.

Из-под стола тень, трепет и птичий писк. Напряжение электрическое.

— Кто смелый? — бормочет Килька.

Но таких нет, да и смелость теперь ни к чему. Черное пятно шевелится, и поднимая пыль, летит к окну. Свистит, бьется в стекло, пролетев над потолком круг, опускается на плечо к Белле. Белла бледнеет, рот ее раскрывается уж закричать, но пятно опускает голову и проводит по белой щеке, ластясь.

Марк обалдело тянет:

— Голубь! Это черный голубь, коллеги.

Спустя час, обпившиеся кофе и разомлевшие после вчерашней попойки ученые, спокойно восседают за столом, косясь на Беллу, что гладит воркующего голубя и цокает ему, призывая к общению.

— Как это понимать, коллеги? – спрашивает Андрей. — Мне интересно ваше мнение.

— Мое мнение не изменилось — чудо! — отвечает Килька, глядя поверх очков и шумно прихлебывая из чашки. — Эволюция из клетки в птицу, всего за два дня! Кстати, птице нужна клетка.

— Угу. А вы думаете, процесс завершен?

— По крайней мере, за час ничего не произошло… — говорит Андрей, подозрительно глядя, как Белла сюсюкает голубую. — судя по темпу прогресса до этого — за час, птица должна стать самолетом. — Он усмехается шутке. И Белла по инерции выдавливает смешок.

— Подождать думаешь? — интересуется Марк, и вздохнув протягивает, — эх, тревожно мне чего-то… Не пойму. Может, отчитаемся перед сообществом и свернем экспери-

мент?

— Ха! И чего мы им покажем? Снять не получилось!

— Ты забываешь про авторитет, Андрей. Кстати, сейчас-то хоть камера включена?

— Включена, работает, да поздно. По моему мнению, вполне возможно, что процесс завершён. А одного авторитета мало… Тебе ли не знать? Взять хоть и твоего отца.

Соглашаются, кивают.

— Возможно, стоит все повторить, но на камеру. — Муж мрачно наблюдает за действиями жены, что тянет ладонь и приглашает птицу перебраться. Голубь крутит черной головой, оценивающе смотрит на Беллу и устраивается на запястье.

— Совсем ручной! — восторженно шепчет Белла. Тянется к птице лицом, губами, получает подобие поцелуя по-птичьи — по позвоночнику ток, поворачивается, чтобы глянуть на собравшихся другими глазами. Видится ей Марк бесформенной перезрелой грушей, Килька дохлым, ноющим червяком, а муж нарциссом и эгоистом. И только этот удивительный голубь и его поцелуй по-настоящему стоят чего-то.

Хворостинский бледен, тени ревности на лице:

— Оставь подопытного в покое! — почти рычит он.

Белла глядит вопросительно, но все же спускает голубя на стеллаж.

Андрей успокаивается, виновато озирается и более покладисто продолжает:

— Кто его знает? Он может быть больным. Укусит. То есть, клюнет... В общем, подождем! Если эволюция не продолжится, будем изучать птицу на клеточном уровне. А там, можно будет и по новой, на камеру.

Белла прерывает монолог:

— Вы хотите убить его и разобрать на молекулы?

Андрей хмурится:

— Конечно, но тебя это мало касается. Наша задача — вытащить из него все, что он может дать науке, а не придаваться сантиментам!

Белла сдавливает рот в полоску, энергично хватает птицу, глядит на мужа, на голубя и решительно заявляет:

— Не позволю! Он живой!

Блестящие черные глаза-бусины голубя смотрят с благодарностью — а вот карие бусины Хворостинского, с яростью.

Он так же решительно встает, и пытается вырвать птицу из рук жены. На мгновение между ними завязывается борьба, вследствие которой, птица высвобождается и хаотично порхает над головами борющихся. Белла сдается, тяжело дыша, наблюдает за полетом.

Хворостинский цедит:

— Кто ты такая, чтобы мешать ученым делать свою работу?

Кровь отливает от лица его супруги:

— Ах ты так? — подскакивает к окну, распахивает его настежь. — Лети! — нервно кричит голубю, — улетай от этих.

Этих, садистов!

С улицы все-то же чириканье и шум автострады, тянет жарой и далекими грозами — только вот голубь и не думает улетать. Наоборот, он устраивается поудобнее на стеллаже и с интересом смотрит на действия супружеской четы, низко и приятно воркуя.

— Вы чего? — ошарашено вопрошает Килька. — Что на вас нашло?

Хворостинский невидящим взглядом оглядывает помещение, потом свою жену, вздыхает, треплет уложенные волосы и бормочет:

— Не знаю. Вероятно с похмелья… Белла, домой!

Закрываются створки окна. Белла подходит к голубую. Прощаясь, ласково треплет его голову, проводит по блестящей спинке и любовно щекочет шею.

— Пошли! — властно торопит Андрей, — Марк, ты едешь?

— И меня подбросьте! — просится Килька, подходя к подопытному. — Удивительно красивый голубь! — протягивает руку, трогает, дергается словно обжегшись. Осматривает свою фигуру, одежду. Вдруг выправляет плечи, приосанивается и мутно глядит на птицу. — Удивительно красивый…

Едут молча. Белла бледная и с лихорадочным румянцем — за рулем. Андрей, ерзающий, и вся палитра чувств от сожаления, до уязвленного самолюбия на лице. Марк погружен в себя. Килька с закрытыми глазами и откинувшись на под-

головник.

Килька и выходит первым, прощается, не глядя ни на кого, стеснительно откашливается и обращается к Белле:

— Как ты считаешь, может мне попробовать носить контактные линзы? А то очки… как-то поднадоело. Бьются то и дело.

Белла не поворачиваясь, жмет плечами. Андрей фыркает и машина трогается.

Марка довозят до подъезда.

— Маме, привет! — в шуточной форме говорит Андрей, но получается раздраженно и не к месту.

Марк, будто додумавшись до чего-то, будто вспомнив, задает вопрос:

— Голубь, голубем, но почему такой черный? Не белый, не сизый, а черный? Как ворон? Не связано ли это с тем, что произошел он все-таки от отрицательной частицы? И ваше поведение, опять же, никогда не видел вас такими… — он вылезает, кряхтя. На секунду впускает шум двора и смех детей на площадке, хлопает за ним дверь и звуки улицы сменяет тишина.

Опять молчание. Хворостинский прерывает его первым:

— Обиделась?

Белла молчит. Андрей поправляет рукав рубашки:

— Помялась. Погладишь?

Молчание.

— Ну вот, чего ты влезла? Сдался тебе этот голубь?

Сколько мы мышей замучили, беленьких и няшных, и ничего! А тут — живой, видишь ли…

Белла резко поворачивается, и муж не узнает жены, столько жара во взгляде:

— Не смей его трогать! — говорит глухо, с придыханием и твердо как гранит.

Хворостинский задыхается, щурится и чеканя каждую букву произносит фразу, что впоследствии, для Беллы станет поводом к совершению непоправимого:

— Ты, девочка, вероятно забыла, кто ты и откуда? И что полномочия у тебя здесь примитивные: принеси, подай, пошла на хрен не мешай! И потому... Пошла на хрен, не мешай — мой тебе ответ!

Белла пунцовая, вдавливает педаль газа с такой силой, что визжат ремни. Автомобиль резко срывается с места, оставляя позади себя облако пыли, жаркий галдящий двор, и спугнув голубей с дороги. И сизых голубей, и белых, и рябых, и даже черных. Но не настолько. Черных как вороны нет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.